

Жанна Грачева
Воронеж (Россия)

Концепт «потусторонность» в творчестве В. Набокова: «свое» и «чужое»

В предисловии к посмертному сборнику стихов (1979) Владимира Набокова его жена, Вера Набокова, указала на одну из малоизученных тем, составляющих, по ее мнению, центр набоковской метафизики:

...хочу обратить внимание читателя на главную тему Набокова. Она, кажется, не была никем отмечена, а между тем ею пропитано все, что он писал; она, как некий водяной знак, символизирует все его творчество. Я говорю о «потусторонности», как он сам ее назвал в своем последнем стихотворении «Влюбленность» <...>. Этой тайне он был причастен много лет, почти не сознавая ее, и это она давала ему его невозмутимую жизнерадостность и ясность даже при самых тяжелых переживаниях и делала его совершенно неуязвимым для всяких самых глупых или злостных нападок¹.

Эти размышления Веры Набоковой стали поводом обратить внимание филологов на тему *потусторонности*, а нас – приступить к анализу мыслительной единицы «потусторонность» в творческой концептосфере писателя. Индивидуально-авторский концепт В. Набоков вербализует, переосмысливая общенародный: «свое» передается через соотнесение с общеязыковой семантикой, являющейся своеобразной базой для прояснения индивидуальных смыслов. Таков первый уровень сосуществования «своего» (индивидуального) и «чужого» (общеязыкового) в рамках *потусторонности* как мыслительной единицы.

Есть и другой аспект: слово *потусторонность*, вербальное ядро концепта, вошло в русский язык через посредство немецкого и было русифицировано, «отягощено» русскими смыслами. Как указывает В.

¹ Александров В.Е., *Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика*, Санкт-Петербург, «Алетейя» 1999.

В. Виноградов в работе *История слов*, до 30-40-х годов XIX века лексема «потусторонность» в русском языке отсутствовала, однако сам концепт и семема существовали. Такое явление в лингвистике называют лексической лакуной². Слово *потусторонность*, заполнившее эту лакуну, следует отнести к калькам: как многие иностранные слова, оно «сначала употребляется в русском языке как «цитата», как чужезычная примесь», а затем происходит его «национализация»³.

По мнению В. В. Виноградова, слово *потусторонний* «внушено идеалистическими системами немецкой философии, главным образом, влиянием Шеллинга. Оно употреблялось сначала или как эпитет к слову *мир* («потусторонний мир»), или как субстантивированное прилагательное среднего рода. С морфологической точки зрения *потусторонний* представляет собою как бы производную (с помощью относительного суффикса *-н'*) форму прилагательного, связанного со словосочетанием – *по ту сторону*, эквивалентом русского выражения – *тот свет*. *По ту сторону* – *потусторонний* – это переводы немецких *jenseits, jenseitig* <...>. Слово *потусторонний* не отмечено ни одним толковым словарем русского языка до словаря Даля включительно. Широкое употребление этого слова в значении: 'нездешний, загробный, неземной' в стилях книжного языка наблюдается не ранее 80-90-х гг. XIX века. Впервые ввел это слово в толковый словарь русского языка И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он поместил его в словаре Даля с пояснением и с скрытой цитатой <...>. «*Потусторонний*, по образцу не[мецкого] *jenseits, jenseitig*' по ту сторону лежащий, находящийся; относящийся к предполагаемой загробной жизни'» (сл. Даля, 1912 – 1913, 3, с. 939)⁴.

Анализ словарей позволяет выявить у слова *jenseitig* и его синонима *transzendent* признаки: 1) находящийся по «ту», противоположную сторону; 2) трансцендентный; 3) неземной, 4) божественный.

Обратившись к современному русскому языку, можно увидеть, что существительное *потусторонность* в тех словарях, в которых оно представлено, трактуется через прилагательное *потусторонний*, как, например, в словаре Т. Ф. Ефремовой: «ж. отвлеч. сущ. по знач. прил.: *потусторонний*» [*Словарь русского языка в 4-х*, 1985-1988].

Частота употребления слова «потусторонний», согласно словарю синонимов [*Словарь синонимов русского языка*, 1969], составляет 431

² Попова З.Д., Стернин И.А., *Семантико-когнитивный анализ языка*, Воронеж 2006.

³ Виноградов В.В., *Потусторонний*, [в:] В.В. Виноградов, *История слов*, Москва, „Толк“ 1994.

⁴ *Ibidem* s. 215.

раз на ≈ 300 млн. слов, «потусторонность» – 8 раз на ≈ 300 млн. слов. Низкая частотность употребления позволяет предположить, что, несмотря на существование в современном языке ядерного слова, вербализующего концепт, его репрезентируют либо имплицитно (с использованием периферийных языковых форм), что связано, прежде всего, с сакральностью обозначаемого явления, с его невыразимостью. Поэтому непосредственные дефиниции лексемы *потусторонность* встречаем лишь в *Философском энциклопедическом словаре*⁵. Для выявления иных семантических признаков обратимся также к анализу синонимов⁶ и антонимов⁷, хотя лексема «потусторонность» не имеет развёрнутой синонимии и антонимии, а также к ассоциативному словарю⁸. Материал словарей позволяет, исходя из количества единиц, построить полевую структуру концепта, выявив ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии. Опуская промежуточные материалы исследования, воспроизведем эту структуру.

Ядро

- духовное, сверхчувственное, сверхъестественное, иррациональное, трансцендентное, неземное, недоступное, непознаваемое, возвышенное пространство;
- существующий «сверхмир», связанный с посюсторонностью и противопоставляемый ей;
- пространство, имеющее г р а н и ц у соединения с посюсторонностью (*сверхмир, сдвиг, приотвориться, покров, отражение, нездеиный, запредельный*);
- производящее первичное начало для «здешнего» мира (*влияние, привязанность, озарение*).

⁵ *Философский энциклопедический словарь*, под ред. Е.Ф. Губского, Москва, «Инфра» 2009.

⁶ *Словарь синонимов русского языка*, под ред. Л.А. Чешко, Москва, *Современная энциклопедия*, 1969.

⁷ *Словарь антонимов русского языка*, под ред. Л.Л. Новикова, Москва, «Русский язык» 1984.

⁸ Караулова Ю.Н., Сорокина Ю.М., *Русский ассоциативный словарь – Ассоциативный тезаурус русского языка*, Москва, «Русский язык» 1994.

Ближняя периферия

- божественный мир – место проявления неисповедимых божественных путей;
- обиталище после смерти, местонахождение рая и ада;
- «вечность», пребывающая за изменчивой «временностью»;
- несуществующее пространство, ставшее превратным отражением господства над людьми природных и общественных сил (в рамках научного атеизма).

Заметим, что признак существования включается в ядро, а несуществования – в ближнюю периферию. В сознании людей утверждение бытия потусторонности соседствует с отрицанием его (верю/не верю). Потусторонность существует постоянно и несомненно в ментальном пространстве в качестве предмета мысли, а говорить о том, чего нет, невозможно.

Дальняя периферия

- пространство, населенное «действующими» существами или связанное с ними (*существо, сущность, создание, видение (3), феномен, двойник, собеседник, чудовище, женщина, Клеопатра, аналог, творение*), а также частями тел: *челюсть, туловище*;
- эмоционально воспринимаемое пространство (нейтральные эмоции: *чувство, ощущение*; положительные: *любовь, экстаз, блаженство, счастье, радость, наслаждение, удовольствие, кайф, спокойствие, елей*; отрицательные: *оцепенение, холодок, трепет, страдание, печаль, робость, ужас, страх, переживание, наглость*);
- наделенное атрибутами: *удивительное, таинственное, мощный, целое*;
- обладает антропологическими качествами: *сила, воля, борьба, энергия, красота, величие, радостность, самообладание, романтизм, вампиризм, дыхание*;
- может иметь физическое воплощение: звук (*звук, голос (3), выкрик, крик, смех, рев, звон, тишина (2), шелест, грохот, аккорд, музыка, песня, стрекот*); свет (*свет, сияние, блеск, блик*);
- может быть связано: со стихиями (*пламя, воздух*); с явлениями природы (*природа, облако, ветер, туман, закат, солнце, пти-*

ца, жаба); с объектами пространства (город, сад, храм, чертог, дебри); с состояниями (состояние, сон, рост); с движением (прыжок, плавание).

Крайняя периферия

- связь с рациональным началом (в том числе видоизмененным рассудком) (*интеллект, разум, логика, рационализм, иррациональное, галлюцинация*);
- является объектом познания (*императив, опыт, фактор, наука, структура, происхождение, эволюция*).

Такова в некотором приближении структура концепта «потусторонность» в общенародном языке.

В индивидуально-авторской концептосфере В. Набокова наблюдаются как совпадающие смысловые зоны, так и индивидуально маркированные. Обратимся к тем контекстам, в которых осуществляется прямая номинация концепта через использование лексем «потусторонность» и «потусторонний». Заметим, что такого рода обозначение встречается нечасто, в подавляющем числе случаев мы имеем дело с имплицитной вербализацией, использующей другие, «чужие», лексические единицы для наименования. Это имеет свои объяснения: тайна не должна быть названа, но если это происходит, то смыслы усиленно актуализируются.

Итак, В. Е. Александров в книге *Набоков и потусторонность* пишет:

Полагая свою «тайну» невыразимой (во что трудно было бы поверить, не будь Набоков крупнейшим мастером слова на трех языках), писатель всегда высказывался по этому поводу весьма уклончиво. Например, на вопрос интервьюера, верит ли он в Бога, Набоков дал ставший впоследствии знаменитым ответ: «Я знаю больше, чем могу выразить словами, и то небольшое, что я могу выразить, не было бы выражено, не знай я большего»⁹.

В лекции *Искусство литературы и здравый смысл* автор так говорит об этой грани своего мировидения:

⁹ *Словарь антонимов русского языка*, под ред. Л.Л. Новикова, Москва, „Русский язык“ 1984, с. 588.

Земная жизнь всего лишь первый выпуск серийной души, и сохранность индивидуального секрета вопреки истлению плоти – уже не просто оптимистическая догадка и даже не вопрос религиозной веры, если помнить, что бессмертие исключено только здоровым смыслом¹⁰.

В. Набоков в русскоязычном творчестве употребляет лексемы *потусторонность* 2 раза и *потусторонний* 6.

Обратимся к семантическому анализу каждого из контекстов.

Контекст 1.

В последнем стихотворении *Влюблённость* (1973) читаем:

Мы забываем, что влюбленность
не просто поворот лица,
а под купавами бездонность,
ночная паника пловца.

Покуда снится, снись, влюбленность,
но пробуждением не мучь,
и лучше недоговоренность,
чем эта щель и этот луч.

Напоминаю, что влюбленность
не явь, что метины не те,
что, может быть, **потусторонность**
приотворилась в темноте¹¹.

Выделяются когнитивные признаки: потусторонность приотворяется в состоянии влюбленности, в л ю б л е н н о с т ь – путь в потусторонность; она не я в ь (как и влюбленность), а с о н и имеет свои метины – з н а к и, которые проявляются в посюсторонности; потусторонность г р а н и ч и т с реальностью, но закрыта от нее, она может п р и о т в о р и т ь с я – чуть отвориться, то есть сделаться доступной, свободной для понимания, но никогда полностью не откроется живущим в этом мире, так как непознаваема; граница между мирами проницаема, имеет щ е л ь, и оттуда проникает с в е т («лучше недо-

¹⁰ Набоков В.В., *Искусство литературы и здравый смысл*, [в:] В.В. Набоков, *Лекции по зарубежной литературе*, Москва, Издательство „Независимая Газета” 1998.

¹¹ Набоков В.В., *Стихотворения и поэмы*, Москва, Современник 1991, с. 448; (здесь и далее курсив мой – Ж. Грачева).

говоренность, / чем эта щель и этот луч»); опосредованная чувством влюбленности, потусторонность репрезентируется через стихию воды, ее бездонности соотносится с чувством страха, паники («влюбленность <...> / под купавами бездонность, / ночная паника пловца»); потусторонность соотносится с пространством темноты и сна («Покуда снится, снись, влюбленность»; «потусторонность / приотворилась в темноте»).

Контекст 2.

В эссе *Руперт Брук* читаем:

Ни один поэт так часто, с такой мучительной и творческой зоркостью не вглядывался в сумрак **потусторонности**. Пытаясь ее вообразить, он переходит от одного представления к другому с лихорадочной торопливостью человека, который ищет спички в темной комнате, пока кто-то грозно стучится в дверь. То кажется ему, что он, умерев, проснется „на широкой, белесой, сырой равнине, придавленной странными, безглазыми небесами” и увидит себя „точкой неподвижного ужаса... мухой, прилипшей к серой, потной шее мертвеца”, – то предчувствует он безмерное блаженство¹².

Выделяются когнитивные признаки: соотносится с разного рода состояниями природы и человека: с у м р а к а («вглядывался в сумрак потусторонности») – полумрака, неполной темноты, при которой еще можно различить предметы», т е м н о т о й («в темной комнате»); н а п р я ж е н и я, лихорадочной н е р в о з н о с т и (репрезентируется через описание ситуации с лихорадочной торопливостью «человека, который ищет спички в темной комнате, пока кто-то грозно стучится в дверь»); у ж а с а («увидит себя “точкой неподвижного ужаса...”»); безмерного б л а ж е н с т в а («то предчувствует он безмерное блаженство»). В нее можно всматриваться, а значит, она доступна з р и т е л ь н о м у восприятию, хотя и не имеет ясного о б р а з а .

¹² Набоков В.В., *Руперт Брук*, [в:] В.В. Набоков, *Русский период. Собрание сочинений в 5 томах*, Санкт-Петербург, «Симпозиум» 2004, т. 1, с. 731.

Контекст 3.

В романе *Дар* читаем: «Продолжала слушать. В тишине раздавалась бесконечно малая дробь **потустороннего** голоса» [4, 3, 127].

Необходимо прокомментировать этот контекст: словосочетание «потусторонний голос» выступает в двух значениях: 1) голос, гулко, глухо звучащий в телефонной трубке, по *ту сторону* телефонной связи»; 2) голос, пришедший из *тех* сфер, голос судьбы: звонок соединит героя с его возлюбленной (это будет лишь одна из попыток сделать это, поскольку несколько предшествующих не удались, героиня не внял знакам потустороннего; словосочетание «бесконечно малая дробь» – отсылка к музыкальному предупреждению, звучащему перед совершением особых событий; и эти события в романе последуют.

Таким образом, выделяются когнитивные признаки *потустороннего*: способно оказывать и оказывает влияние на события земной жизни, а значит, является для них п р о з в о д я щ и м началом; посылает в реальный мир свои з н а к и, которые нужно уметь читать и которым н е о б х о д и м о с л е д о в а т ь.

Контекст 4.

В другом отрывке из романа *Дар* читаем:

Как мы с Таней болели! То вместе, то по очереди; и как мне страшно бывало услышать между вдали стукнувшей и другою, сдержанно тихую, дверьми ее прорвавшийся шаг и высокий смех, звучащий небесным ко мне равнодушием, райским здоровьем, бесконечно далеким от моего толстого, начиненного желтой клеенкой компресса, ноющих ног, плотской тяжести и связанности, — но если хворала она, каким земным и здешним, каким футбольным мячом, чувствовал себя я, глядя на нее, лежащую в постели, отсутствующую, обращенную к **потустороннему**, а вялой изнанкой ко мне! [4, 3, 20].

Выделяются когнитивные признаки: пространство, имеющее границу с миром «земным и здешним», в котором человек чувствует себя «футбольным мячом» (резво прыгает в чужих руках – руках судьбы?). Оно «приближается» к человеку и открывается ему в состоянии б о л е з н и – на границе миров. Так, в тексте не случайно возникает мотив дверей: с одной стороны – реального дома Годуновых-Чердынцевых, с другой – двух дверей, разграничиваю-

щих миры «тихого» пространства болезни и «громкого» пространства «райского здоровья», «прорвавшегося шага и высокого смеха, звучащего небесным <...> равнодушием»; *рай* и *небеса* оказываются в земном мире здоровья; потусторонность – по другую сторону, и она не имеет оценочных коннотаций. Ощущение больной телесности, «плотской тяжести и связанности» относится к характеристике экзистенциального пространства «м е ж д у м и р ь я». Путь в пространство пограничья легче всего открывается в д е т с т в е (не случайно в стихотворении, предшествующем прозаическому отрывку, появляются словосочетания (а значит, смысловые сочетания) «рождественская скарлатина» и «пасхальный дифтерит» – болезнь рядом с сакральным рождением и возрождением); так репрезентируются ассоциативные семы *детство* – *болезнь* – *потусторонность*. К потустороннему человек поворачивается лицом – лучшей, главной, с у щ н о с т н о й стороной, к земному – изнанкой, «черновиком» («глядя на нее <...> обращенную к потустороннему, а вялой изнанкой ко мне!»).

Контекст 5.

В романе *Дар* читаем:

В разумно обставленной палате сидел пополневший, розовый, отлично выбритый и совершенно сумасшедший Александр Яковлевич, в резиновых туфлях и непромокаемом плаще с куколом. „Как, разве вы умерли?“ – было первое, что он спросил, – скорее недовольно, чем удивленно. Состоя „председателем общества борьбы с **потусторонним**“, он все изобретал различные средства для непропускания призраков ... [4, 3, 82].

Лексема *потусторонний* употребляется в ироническом контексте, в котором она, казалось бы, дает искаженный материал для когнитивной интерпретации. Однако продолжение представленного абзаца – внутренний монолог Федора о самом себе – убеждает в обратном: «...лишь гораздо позднее он понял все изящество короллария и всю безупречную композиционную стройность, с которой включалось в его жизнь это побочное звучание», что дает основание для выявления когнитивных признаков: открывается с у м а с ш е д ш и м, искаженно воспринимающим реальность, ли-

шенным привычного видения мира или, открывшись, приводит к сумасшествию; кроме того, связана с миром у м е р ш и х – призраков; граница между реальностью и потусторонностью не является непроницаемой.

Контекст 6.

В романе *Король, дама, валет* читаем:

В этих снах ужас, бессилие, отвращение сочетались с каким-то **потусторонним** чувством, которое знают, быть может, те, кто только что умер, или те, кто сошел с ума, разгадав смысл сущего [4, 1, 238].

Выделяются признаки: соотносится с ч у в с т в е н н о й сферой; отсылает к состоянию у ж а с а, б е с с и л и я, о т в р а щ е н и я; ведомо тем, «кто только что умер», то есть только что перешедшим границу миров; связано с разгадкой с м ы с л а с у щ е г о; открывается тем, кто с о ш е л с у м а (как видим, этот признак повторяется).

Контекст 7.

В романе *Защита Лужина* читаем:

Когда же она обращалась к газетам **потусторонним**, советским, то уже скуке не было границ. От них веяло холодом гробовой бухгалтерии... [4, 2, 132].

Выявляются признаки: с о в е т с к и й, то есть веющий «холодом гробовой бухгалтерии», миром с м е р т и; соотносится с т о с к о й.

Контекст 8.

В повести *Соглядатай* читаем:

Она поощряла Вайнштока в его опытах с **потусторонним** <...>. В материализацию он, впрочем, не верил и только в виде курьеза хранил у себя фотографию, подаренную ему спиритом, на которой изо рта

рыхлой, бледной женщины с закрытыми глазами выливалась текучая, облачная масса [4, 2, 316].

Слово *потусторонний* вновь употребляется в ироническом контексте, в котором выявляются когнитивные признаки: повод для шарлатанства; объект с п и р и т и з м а.

Таким образом, в процессе анализа ограниченного круга текстов с прямой вербализацией концепта *потусторонность* выделяются когнитивные признаки, совпадающие с общеязыковым концептом.

Потусторонность, по мнению В. Набокова, существует, и это не троп, не художественная красивость, не игра образов, это для него неоспоримый факт. Она имеет проницаемую *границу* с миром «земным и здешним» (в ней могут быть *щели*), при этом является *производящим* началом для земной жизни. Как производящее начало *потусторонность* в творчестве В. Набокова в большей степени конкретизируется: писатель указывает, что она оказывает влияние на события реальности, посылая свои знаки, которые нужно уметь читать и которым необходимо следовать.

В творчестве В. Набокова, как и в общенародном языке, *потусторонность* имеет признак, указывающий на то, что открывается она в особых состояниях (*сумасшествия, сна, смерти*). Однако, наряду с этими состояниями, В. Набоков называет и иные: *момент состоявшегося перехода из жизни в смерть* («знают, быть может, те, кто только что умер»), *влюбленность, болезнь*. Особо выделяется период *детства*, когда человек наиболее приближен к потусторонности.

Как и в общенародном языке, признаком потусторонности становится ее связь с эмоциональной сферой. Однако, если среди признаков общенародного концепта число положительных и отрицательных коннотаций почти одинаково, то в концепте В. Набокова, безусловно, доминируют отрицательные номинации (ср. *страх, паника, ужас, напряжение, лихорадочная нервозность, бессилие, отвлечение, тоска/безмерное блаженство*). Иные признаки: доступность зрительному восприятию (хотя и не имеет ясного образа): соотношение с пространством *темноты, сумрака, света* и со стихией *воды*; повод для *шарлатанства* и объект *спиритизма* – в той или иной степени и форме репрезентируются в общенародном концепте.

Однако важным отличием становится отсутствие прямой соотнесенности потусторонности с божественным началом. Обознача-

ясь как мир, связанный со смертью, он, лишенный рая и ада, шире понятия «загробный мир». Это пространство, связанное, прежде всего, с *сущностной* стороной *сущего*, с разгадкой его смысла.

SUMMARY**The concept of “other-worldliness” in V. Nabokov’s works**

The article is devoted to the structure of the concept “other-worldliness” in the individual author’s sphere of the concepts of V. Nabokov against the background of the nationwide concept. For this purpose the author of this article analyzes V. Nabokov’s contexts with straight cognitive nomination and detects both notional and individually marked zones.